

З.И. Герсон

«Человек в футляре»

В рассказе «Человек в футляре» (1898) автор рекомендует героя слушателям от имени рассказчика, говорит о его внешности, манерах, привычках, окружении, не пренебрегая и общими характеристиками, имеющими место у Чехова при изображении отрицательных персонажей.

Мысли героя не раскрываются, изображение антипсихологично, ибо автоматизм мышления, элементарность психологии героя исключает интерес к внутренней его жизни. Наоборот, внешняя сторона ее — одежда, привычки, поведение, образ жизни, речевые штампы, носящие на себя отпечаток личности, — привлекает внимание рассказчика.

Герой выступает с первых же страниц по существу готовым, окаменевшим, определенным. Беликов — раб своего «футляра» — своей темной, похожей на гроб, спальни, своих темных очков, калош, шарфа, фуфайки, своего страха перед всем новым, будь то смелая мысль педагога, драматический кружок или проказы гимназиста, раб всех ограничений, страхов, предрассудков, которыми он себя окружил.

Этот великолепно сделанный очерк характера, данного в основополагающих своих чертах, на широком бытовом фоне. Далее, в столкновении с людьми иного типа, в конфликте, в сюжете эти черты обнаруживают себя.

Михаил Саввич Коваленко и его сестра, сыгравшие такую роковую роль в жизни Беликова, обрисованы не менее обстоятельно, причем в них отмечаются те черты характера и поведения, которые противоположны беликовским, — духовное и физическое здоровье, широта и непосредственность натуры, самостоятельность суждений.

Столкновение таких полярных противоположностей естественно приводит к катастрофе, к трагическому финалу, который особенно ярко выявляет ничтожность повода, вызвавшего его, ничтожность героя, для которого столь ничтожный повод явился крахом всей жизни.

После кульминации — встречи Беликова с Варенькой, едущей на велосипеде, и объяснения с ее братом — наступает развязка, по существу не менее анекдотическая, нелепая, чем в «Смерти чиновника».

Книги, езда на велосипеде, громкий смех — все эти не предусмотренные циркуляром явления, ворвавшиеся в футлярное существование Беликова, являются причиной его гибели. Раскатистым, залихватским «ха-ха-ха» Вареньки завершилось сватовство и земное существование Беликова.

Смерть, бесперспективность, уничтожение — удел беликовых, и смерть эта воспринимается как закономерность, как естественная развязка, подготовленная всей логикой развития характера.

Беликовы нежизнеспособны, потому что футляр — удел трупа, а не человека. Но рассказчик Буркин с горечью констатирует, что жизнь после смерти Беликова не стала лучше, свободнее, что беликовы еще остались.

Заключительные рассуждения врача Ивана Ивановича не имеют прямого отношения к рассказу о Беликове (в чем его упрекает рассказчик), но они подчеркивают обобщающий смысл образа, широко ставят тему беликовщины в современной жизни и кончаются многозначительным выводом: «нет, больше жить так невозможно!».

Беликов раскрыт с точки зрения невозможности его дальнейшего существования. Он не менее отвратителен, чем унтер Пришибеев, с его чисто беликовским автоматизмом мышления, чем тупой палач Никита («Палата № 6»), но он уже не страшен, а жалок.

Те обрисованы как здравствующие и торжествующие, этот, в соответствии с изменившейся общественной обстановкой и с изменившимся мировоззрением Чехова, — как обреченный и чувствующий свою обреченность.

Недаром, «покончив» с Беликовым, вынеся свой приговор над ним и над строем жизни, порождающим людей-автоматов, Иван Иванович не может уснуть, закуривает трубку, думает — уже не о Беликове, конечно, а о жизни, о борьбе с беликовщиной, которая еще сильна, о великом предназначении человека — о чем он будет говорить в новелле «Крыжовник».

Таким образом, «исчерпанность» Беликова не есть «исчерпанность» темы; она по-своему, на другом материале звучит в двух других новеллах «маленькой трилогии», объединенных с первой не только личностью рассказчиков, но единством темы и идеи.